

Ложиться в постель и притворяться, что они собираются быть тихими и целомудренными, было забавным занятием. Гермиона разделась догола под одеялом, пока ждала и дрожала, благодарная и голодная. Они ждали, пока ее родители тоже лягут спать, прислушивались к звукам, которые они издавали, устраиваясь на ночь, не желая ничего делать до того, как они окончательно лягут в постель и не выйдут обратно, чтобы помешать или найти их. Как только Грейнджеры перестали шуметь, Гарри скатился с раскладушки и вернулся в постель к своей девушке, забравшись на нее сверху и прижавшись к ее губам в нетерпеливом поцелуе. "Мы сделаем это прямо у них под носом", - простонал он, его голос грохотал, когда он сдерживал голод, не желая слишком увлекаться или спешить в своих желаниях.

Гермиона притянула его к себе еще крепче, жадная и голодная, не в силах отказать себе в удовольствии и соблазне поддаться этому. Ее потребности взяли верх над ней. Уже давно. Учеба была раздражающим маленьким толчком в сторону от того, чего она хотела, и она обнаружила, что на нее давит так много, а теперь Гарри был на ней, его поцелуи были жадными и стремительными. Они изнуряли и согревали ее, даря ей радость, которой она жаждала. "Они любят тебя. Они считают тебя достойным молодым человеком, который никогда не сделает мне ничего плохого".

"Ты хорошо влияешь", - ответил он, засыпая ее лицо поцелуями и обожанием, ласки становились все крепче, когда он прижимался к ней, доставляя ей все больше удовольствия, пульсирующего с каждой секундой. "Я волновался, что они сочтут меня испортившим их чистую девочку, но они увидели, что ты все еще хороша".

Напоминание было приятным. Гермиона все еще была хорошей девочкой. Все еще нормальной, достойной молодой женщиной. Девственницей, независимо от того, как часто она оказывала Гарри "услуги". И сейчас, под его телом, она собиралась быть съеденной в своей спальне, а ее родители в соседней комнате. "Не могу поверить, что это меня сейчас награждают за учебу", - ворковала она, поочередно надавливая на его челюсть, пока он ласкал ее лицо, обожая своего мужчину и наслаждаясь тем, как он готов любить ее в свою очередь. Это было самое глубокое, самое горячее наслаждение, удовлетворение всех желаний и всех разочарований. Готовая. Голая.

Проводя пальцами по ее груди и животу, Гарри с удовольствием дразнил ее кожу, ее обнаженное тело, готовое принять все его внимание и вожделение. Все, что делал Гарри, было твердым, стремительным толчком к удовольствию, с которым Гермиона не могла справиться, чувствуя, как он дразнит ее соски и возбуждает ее чувствительную кожу, еще больше изматывая ее, заставляя все ее тело сжиматься. Яростные, дрожащие импульсы желания были упрямыми, злыми, они вызывали беспорядочные эмоции, которые невозможно было остановить. Гермиона так привыкла к тому, что именно она опускалась на Гарри и играла с ним; теперь же настал его черед для чего-то другого, и ее тело превратилось в возбужденное, горячее месиво торопливого жара, потребности, с которой она была совершенно не в состоянии справиться, справляясь с желанием и разочарованием, настолько сильными и дикими, что в голове не было ни капли ясности и смысла.

Его поцелуи прошли по ее груди, его тело неуклонно извивалось вниз по ее телу, приближаясь к желаниям и голоду, которые наступали твердо и дико. Гермиона была рада отдаться этим чувствам, рада позволить ему взять ее штурмом и отрешиться от всего, что ее волновало. Казалось, что за этим чувством безудержного ликования не было ни смысла, ни

заботы. "Мне еще никогда не приходилось молчать, пока ты делаешь это", - стонала она, урча от сладкого возбуждения и растущего, голодного желания.

С гораздо более ясным чувством уверенности в том, что он делает, Гарри не стал скрывать свои действия под оправданиями и уверенностью. Он был сосредоточен только на удовольствии и на том, чтобы дать Гермионе то, что она хотела. Он подался вперед и начал лизать ее ждущую киску, его сильные руки нашли ее бедра и медленно раздвинули их, раздвигая и проникая глубже. Гарри знал, как использовать вновь обретенную силу и как тщательно отмерять свое внимание, твердый только там, где это было необходимо, умело управляя своей силой и своими руками, чтобы Гермиона продолжала извиваться под его прикосновениями, чтобы она теряла себя все больше и больше, пока он доставлял ей удовольствие, к которому она оказалась не готова.

"Гарри", - скулила Гермиона, негромко и с придыханием, пытаясь выпрямиться и напрячься как можно лучше для того, что сейчас происходило внутри нее. Она чувствовала себя переполненной и разочарованной, охваченной воздушными удовольствиями и возбуждением, в которые она была рада медленно погрузиться. Быть съеденной - это всегда было нечто иное, чем обычное возбуждение. Полежать и побаловать себя для разнообразия было чем-то поистине диким, маленькой поблажкой между любовниками. Гарри не делал с Гермионой ничего большего, чем это, просто не выпускал ее изо рта так же, как она не выпускала его из своего. "Не будь слишком строг ко мне. Мои родители..."

Но когда Гарри начал сосать ее клитор и вводить в нее пальцы, она обнаружила, что сжимается от пульсации восхитительной безнадежности. Ее тело жаждало того, что Гарри мог дать ей сейчас, и она была не в силах сопротивляться сладостному соблазну и неуклонно нарастающему удовольствию от того, что она позволяет ему изъедать ее с такой тщательной страстью. Наслаждение было всепоглощающим и пьянящим, вызывая в ней сосредоточенное, трепетное желание, которого она желала больше всего, и это желание казалось поистине неостановимым. Он не ослаблял своего внимания, не ослаблял сосредоточенности и желания, которые, как он знал, сведут Гермиону с ума, и чем больше его язык бросал ей вызов, тем сильнее она безнадежно сгорала от желания, которое просто необходимо было охватить.

Его пальцы поддерживали постоянный темп, который Гермиона часто нарушала, так как была слишком возбуждена и слишком увлечена тем, что делала. Нельзя сказать, что Гарри был увлечен тем, что он делал; страсть, которую он проявлял, пожирая Гермиону, была такой же прямой и смелой, как и могла быть, каждое его желание толкало вперед с уверенностью и преданностью, которые оказались ключом к тому, чтобы заставить ее полностью потерять себя. Но Гарри сосредоточился на удовольствии Гермионы с жесткой готовностью, точно зная, как заставить ее поддаться его прикосновениям и поддаться еще глубже, и все, что она могла сделать, это погрузиться в постель, как на аттракцион, как смириться с эмоциями, изматывающими ее. Его страсть была всепоглощающей, он лизал и целовал ее с полным благоговением и преданностью мужчины, который не понимал ничего лучше, чем любовь к женщине, стоящей перед ним.